

март – апрель
2 (88) 2019 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

МГИК В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	10 СТОЛЯРОВ Ю. Н. ИСТИННАЯ ДАТА ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ – 1913 ГОД
ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ	22 ТИХОНОВА В. А. КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА
	30 КОНДАКОВ И. В. ДУХОВНОСТЬ ПО ТУ СТОРОНУ НАУКИ И РЕЛИГИИ
	40 ВАСИЛЬЕВ Г. Е. К ВОПРОСУ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ МАТРИЦЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ

48 МИРОНОВ А. С.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В БЫЛИНОВЕДЕНИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ
РУССКОГО ЭПОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XX ВЕКА. ЧАСТЬ 2

71 КЛИМОВА С. М.

«РИСКНУТЬ МИРОМ ДЛЯ БОГА»,
ИЛИ ОБ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

85 ВАХИТОВ Р. Р.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ДИАЛЕКТИКУ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ:
ЕВРАЗИЙЦЫ 1920-Х ГОДОВ И М. А. ЛИФШИЦ

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

98 БУДАРИНА О. А.

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК НОВАЯ ФОРМА
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

107 РЕЗАНЦЕВА М. С.

ДЖАЗ КАК НЕСОВЕРШЕННОЕ ИСКУССТВО:
ИМПРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ
ПРЕКРАСНОГО И БЕЗОБРАЗНОГО

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

114 ЯРОШЕНКО Н. Н.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

128 СУМИНОВА Т. Н.

АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ В КОНТЕКСТЕ
ИНДУСТРИИ ДОСУГА

135 НИЛОВ В. Н.

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГРАФИИ В РОССИИ

146 НИКИТИН В. Ю.

О ПРОБЛЕМЕ КОНКУРСНЫХ НОМИНАЦИЙ
В ЛЮБИТЕЛЬСКОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ
ИСКУССТВЕ

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

156 ЛОПАТИНА Н. В.

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАУКИ
В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ВЕКТОРЫ И ЗАДАЧИ

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

168 САХАРЧУК Е. С.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
ВУЗА В ФОРМИРОВАНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ
КОРПОРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

176 СЕРЕГИН Н. В.

ДИАГНОСТИКА МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

«Р ИСКНУТЬ МИРОМ ДЛЯ БОГА», ИЛИ ОБ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Исследование выполнено за счёт гранта
Российского научного фонда (проект № 19-18-00100)

УДК 130.2 (091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10206

С. М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Москва

В статье рассматривается религиозно-философское мировоззрение Л. Н. Толстого в контексте понятия анархизма. Сложность проблемы связана с двойственностью позиции Толстого: обличения насилия власти и призыва к непротивлению насилию силой. Первое позволяет увидеть в нём духовного оппозиционера, тотально разоблачающего культуру, науку, политику и право как производное государственной власти. Второе обнажает этическую, духовную и экзистенциальную альтернативу жизни, представленную не только в публицистике, но и в художественных текстах. Способность жить христианскими идеалами не формально, но практически становится заветной мечтой Толстого и одновременно приобретает черты революционного нигилизма в глазах власти и общества. Толстой при этом стоит на позициях философского идеализма, веря в возможность разумного сознания каждого, направленного на ненасильственное преобразование всех.

Ключевые слова: Толстой, христианство, разумное сознание, анархизм, свобода.

S. M. Klimova

National Research University Higher School of Economics, the Russian Government,
Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russian Federation

“RISKING PEACE FOR GOD”, OR TOWARD ANARCHIST IDEAS OF LEO TOLSTOY

The article discusses the religious and philosophical outlook of L. N. Tolstoy in the context of the concept of anarchism. The complexity of the problem is determined by the duality of Tolstoy's position: denouncing the violence of power and calling for non-resistance to force. The first allows one to see him as a spiritual oppositionist who totally condemns culture, science, politics and law as institutions of power. The second exposes an ethical, spiritual and existential alternative to life, presented not only in political essays, but also in literary texts. The ability to practically live by Christian ideals becomes Tolstoy's cherished dream, and at the same time it acquires the features of revolutionary nihilism in the eyes of the government and society. With this, Tolstoy stands on the positions of philosophical idealism, believing in the possibility of everyone's rational consciousness, aimed at the non-violent transformation of all.

Keywords: Tolstoy, Christianity, Intelligent consciousness, Anarchism, Freedom.

КЛИМОВА СВЕТЛАНА МУШАИЛОВНА – доктор философских наук, профессор Школы философии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Москва

KLIMOVA SVETLANA MUSHAILOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the School of Philosophy,
the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

e-mail: sklimova@hse.ru

© Климова С. М., 2019

Для цитирования: Климова С. М. «Рискнуть миром для Бога», или Об анархических идеях Л. Н. Толстого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 71–84. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10206

«Меня причисляют к анархистам,
но я не анархист, а христианин.
Мой анархизм есть только применение
христианства к отношениям людей.
Тоже с антимилиитаризмом,
коммунизмом, вегетарианством».
Л. Н. Толстой

Введение

Общим местом в исследовательской литературе стало утверждение о мировоззрении Л. Н. Толстого как анархическом [см.: 7; 16; 17; 20] или христианско-анархическом [см.: 18, pp. 22–40; 19, pp. 89–103; 22]. Многие сравнивают его идеи с анархистскими проектами европейских просветителей В. Годвина, Т. Пейна, А. Смита или русских, например, П. А. Кропоткина. Безусловно, в этих теориях много сходного и в критике государства, и в идеалах будущего общества. Например, Кропоткин, подобно Толстому, выступал против государственного насилия и в конечном счёте против террора революционеров. Взаимопомощь и солидарность были для него движущими силами истории. Эти идеалы, как и идея национализации земли, почерпнутая у Дж. Генри, также роднила Кропоткина с Толстым. Но и расхождения между ними были принципиальными.

Анархизм Толстого и манил, и отталкивал. В своих *Дневниках* он неоднократно подчёркивал, что, несмотря на всю привлекательность лозунгов анархизма, для него неприемлемы сопряжённые с этим способы решения проблем. Под влиянием американской литературы Толстой пишет: «12 января 1889 – Читал и вчера и нынче книгу об Американском социализме: о двух партиях: интернациональной и социалистиче-

ской. Анархисты совсем правы, только не в насилии. Удивительное затмение. Впрочем, об этом предмете мне думается, как думалось, бывало, о вопросах религии, то есть представляется необходимым и возможным решить, но решения ещё нет» (13, т. 50, с. 22)¹. Кропоткин в своих размышлениях как будто задаёт ему полемический вопрос о том, как добиться справедливости иным способом, кроме революционного, как насильственного и агрессивного: «Кто же это должен сделать? Царь? Парламент? Парламент будет победой буржуазии, опять господ. Это может сделать только революция, а тут мы со Львом Николаевичем расходимся» [9, с. 169].

Между тем интерес Толстого не означал его принадлежности к анархическому течению. Толстой принципиально несовместим с любым политическим направлением, тем более связанным с агрессией, переворотами или захватом власти. Иными словами, справедливость, «добытая кровью и жертвами», не привлекала его ни в какой плоскости. Толстой неоднократно подчёркивал этико-религиозную основу своей жизненной позиции. Такая позиция, безусловно, была острополемиической и критической по отношению к власти, но однозначно не была

¹ Далее все ссылки на работы Толстого даются по 90-томному ПСС, в круглых скобках, номер [13], том и страница.

нигилистической или революционной в политическом смысле.

Несмотря на это, до сегодняшнего дня Толстой многими воспринимается как нигилист и критикуется в свете традиционных интеллигентских клише «отца большевизма» [15], «отравителя колодцев жизни» [2], апологета революционной справедливости и «зеркала» политической борьбы начала века [8, с. 206–213]. Несмотря на появившуюся литературу о его революционных взглядах [10], современная интерпретация Толстого в качестве анархиста косвенно подтверждает его «разрушительную роль» в событиях 1917 года, политизируя его религиозно-философские суждения и тем самым уводя от понимания толстовского мировоззрения.

В чём причина такого упорного желания учёных отнести его к лагерю анархистов и описать его сознание в традиционной политологической терминологии? Насколько эти оценки правомерны, зависит от понимания его религиозного учения, философской позиции и правды художественного слова, ярко выражающего убеждения Толстого. Именно они являются базисным основанием для всех остальных интерпретаций, в том числе морального, политического и экономического порядка. Именно они позволяют уточнить ответ на вопрос: был ли Толстой анархистом, и о какой «разновидности» анархизма можно говорить в его случае?

Идеалистическое учение Толстого о государстве и человеке

Тема соотношения правового и этического всегда была в поле зрения Толстого. Ещё в университете, будучи студентом, он пишет учебный трактат, сопоставляя идеи «Духа законов» Монтескьё и «Наказ» Екатерины II. В нём он требует «проверки» всех

правовых законов нравственными выводами. Это требование станет самым важным в его жизни и приведёт к печальному заключению о том, что правовое не выдерживает проверки нравственным ни исторически, ни актуально; общие правила жизни, как и общепринятая культура, – ненадёжные основания для личного совершенства людей. Он не нашёл ни одного государства, которое бы ставило интересы граждан выше интересов власти, где бы политика и этика были тождественны. Поэтому Толстой категорически отвергает все типы государственного устройства, не увидев перспектив и в *будущих типах* возможного государственного устройства.

Основание для подобного рода выводов лежит в его собственном *представлении о государстве и всех его институтах как о корне и воплощении всеобщего зла*, которое необходимо разрушить¹. Взгляды Толстого с очевидностью демонстрируют соединение двух противоположных тезисов. *Первое* – источник зла в жизни людей лежит в области *легитимных суждений и права*, то есть цивилизации, представленной в насильственных формах государства; культуры, обслуживающей идеологию; церкви; формальном деспотизме законов. *Второе* – искоренение зла связано с *этической и религиозной мыслью* и метанойей чувств и жизни самого субъекта. Речь идёт исключительно о духовном преображении человека, его работе над самим собой, самопознании и устранении внешнего зла в процессе внутреннего его уничтожения. Даже при беглом сопоставлении посылки и вывода мы

¹ Этот парадокс, выраженный в знаменитой формуле *Carthago delenda est*, исследован самим Толстым (см. работы с аутентичным названием в 37 томе). Идеи Толстого о разрушении «Карфагена» попали также в оптику современных исследований [см.: 21, pp. 181–211].

видим, что обличение государства даже косвенно не предполагает призывов к безвластию анархического толка.

Насилие всегда остаётся насилем и злом, чем его ни прикрывай. Оно не только не было приемлемо для Толстого практически, но он не хотел допустить реализации подобной мысли даже гипотетически, в словесном пафосе полемики. М. Гельфонд выделила три определения насилия у Толстого, показала их связь и отличие от феномена зла. Для Толстого все формы насилия – государственное, революционное или личное – тождественны, если действия направлены на принуждение другого [5, с. 251–255].

Чтобы государственное зло было разрушено, требуется интеллектуальное и нравственное усилие в понимании каждым человеком не только самого феномена зла, но и способов его преодоления. Человек должен перестать его множить практически, служить насильственному строю вольно или невольно, включаться в агрессивную риторику. Но самое главное, он должен перестать его оправдывать законами необходимости или тотального порядка.

Толстой здесь явно декларирует идеалистический субъективный подход, утверждая идею первичности изменения или преобразования сознания, которое непременно скажется и на изменении жизни в целом. Сознание перейдёт в «дело», то есть идея неучастия во зле станет делом практического отстранения человека от злых дел государства. Когда процесс развития людей дойдет до высшей точки, за которой уже изменение жизни станет необратимым, государство вынуждено будет изменить свою политику в отношении к насилию и агрессии. «Если представить себе прогресс, как движение четверугольного тела посредством двух прикреплённых к двум передним углам постронок, то положение наше теперь подобно

тому, которое приняло бы движимое тело, когда одна сторона продвинулась бы вперед несоразмерно с другой. Делать больше нечего, как продвинуть отставший конец наравне с опередившим ... Продвинувшийся конец **есть разумное сознание** ... Остаётся одно: соответственно сознанию продвинуть действительность» (13, 27, с. 535).

Если мы ищем близких по духу Толстому теоретиков такой позиции, то это, скорее, будут не анархисты, но американские гуманисты XIX века. В основании этой версии гуманизма, как и у Толстого, лежит отрицание каких-либо «общественных» договоров с государством, неприятие идеи «естественного» права государства «присваивать» свободу и совесть человека в обмен на гарантированную собственность и безопасность, для них также было неприемлемо насилие как способ решения любых проблем. Интересно, что Н. Бердяев [3] и Вяч. Иванов [6] замечают, что толстовская религиозность связана с глубоким пониманием американской культуры и желанием «протянуть руку Америке». Важно, однако, то, что сравнение Толстого с Уитменом здесь проводится не в пользу Толстого. «В духовном учительстве Толстого, – пишет Вяч. Иванов, – есть черты англосаксонского проповедничества. В широких просторах Америки, где свой человек такой утвердитель жизни и вместе обесцениватель старых ценностей Уитман, свой человек и отрицатель-обесцениватель Толстой» [6, с. 315]. Это сказано с явным упрёком мыслителю, который не признавал соборность и коллективизм русского народа.

В отличие от встраивающих идеи Толстого в русскую религиозную философию и славянофильство устоявшихся клише, мы покажем, что духовная мысль Толстого перекликается с социально-гуманистическими и религиозными поисками и Востока, и

Запада. Тем более, «анархизм» Толстого был вдохновлён не анархическим движением в нашей стране, но во многом американскими теориями гражданского неповиновения и личностных свобод. Их политические протесты и были яркими протестами людей, осознающих свою личную ответственность прежде всего *перед собой*, своей совестью за все безобразия политики страны.

Как писал американский писатель и философ, представитель американского трансцендентализма Г. Д. Торо: «лучше подвергнуться наказанию за неповиновение государству, чем подчиняться ему. В последнем случае я бы чувствовал себя ничтожеством» [14]. Торо действительно практически сумел решить важнейшие проблемы своей страны, опираясь лишь на «разумное сознание» – самое мирное «оружие» человека. Это был наглядный пример того, как сознание изменяет бытие практически, как идея может стать движущей силой истории.

Не будучи последовательницей Торо или Ганди, тем не менее в XX веке нечто похожее провозглашала немецко-американская философ Х. Арендт, которая любила повторять мысль Сократа о том, что лучше «несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» [1, с. 110], призывая вернуться к идеалам греческих полисов – очагов непринудительной активности человека, соединённого скрепой личной ответственности перед собой и другими.

Именно этот этический критерий «пассивного неучастия во зле» стал начальным ракурсом изменения взгляда на природу и сущность государства в XX веке. Именно он оказался тем основанием, которое позволило многим людям в постфашистской Германии ответственно осмыслить свою (не)причастность режиму, опираясь не на законы причинности, но на кантовскую деонтоло-

гию, требование остаться человеком вопреки фатальной пред-заданности бытия.

При этом сам Толстой, в свою очередь, стал примером для М. Ганди¹, американского правозащитника XX века М. Л. Кинга, толстовцев, пацифистов, вегетарианцев и многих людей, вовлечённых в практики пассивного гражданского неповиновения антигуманным законам и действиям властей.

Но если его предшественники делали упор на практики общественного поведения и принцип справедливости, требовавший узаконить права всех, то для Толстого важнее всего были субъективные и религиозные основания жизни каждого, в итоге способствующие всеобщему преобразованию и созданию христианского общества, основанного на принципах добровольности, свободы, любви и взаимного служения.

«Анархическое» учение Толстого нельзя понять без его тезиса о человеке, который, в отличие от государства, от природы добр и изначально свободен, хотя зачатки извращённого ума есть и у него. Однако зачатки не равны самому злу; разрушительный механизм запускается тогда, когда человек, подчиняясь безличным бюрократическим законам, силе власти (или власти силы), живя по инерции (бездумно), оказывается на грани уничтожения или самоуничтожения. Во многом способствует этому процессу наличная культура, которая, вопреки общепринятому мнению, не является, по Толстому, основательницей или носительницей подлинных ценностей. Напротив, культура, искусство, церковь, наука «обслуживают» государство, закрепляя его статус незыблемого и вечного флагмана человеческой жизни, забирая у человека глав-

¹ Переворотом для М. Ганди стал толстовский трактат «Царство Божие внутри вас», после чтения которого он сформулировал свой знаменитый принцип «ненасильственного сопротивления».

ное – его личное понимание и ответственность за свою жизнь и поступки. Интуитивно Толстой показал некоторые моральные истоки формирования массового сознания и человека в XX веке.

Толстому казалось, что *путь* исправления или развития человека *прост*: он должен начать самостоятельно мыслить и жить, руководствуясь кантианским понятием долга, выйти из состояния «несовершеннолетия». Даже зная существо проблемы и понимая причину зла, человек не имеет право на «клишированность» поступка; каждый раз он должен заново решать, как поступать в каждом конкретном случае. Этот акт в философии традиционно называется мышлением, которое, по Толстому, всегда должно быть согласовано с совестью. Недаром многие видели в его учении «сократический момент культуры» [6]. Подобно Сократу, он «наивничал» (отстранялся, по выражению В. Шкловского) по поводу самых сложных вопросов бытия: например, почему христиане живут, не исполняя заповедей Христа, или как поступать при нападении врага на твой дом. Подобно античному философу, он всегда оставался верен себе и голосу Бога «в себе». Решение не может быть дано заранее. Ответа просто нет, пока нет ситуации, в которой только и понимает человек самого себя и мир вне себя.

Нагляднее всего эту мысль Толстой демонстрирует в своих художественных текстах. Его работы наполнены примерами проявления христианской жизни (разумного сознания) в самых тяжёлых условиях существования – на войне («*Хаджи Мурат*»), в плену («*Война и Мир*»), в тюрьмах и на каторге («*Воскресенье*», «*За что?*»), в пространствах внешней несвободы («*Божеское и человеческое*»). Художественное наглядно и образно доказывает то, что противоречиво демонстрирует нам Толстой в своём

учении – способность человека быть настоящим христианином в невыносимых условиях жизни.

В практической же жизни это означало осознанный выбор участия или неучастия в делах, согласных или противных *душе человека*. Толстой верил в принцип *неучастия в государственных институтах, во власти, в его зло-деяниях*. И связывал он это не с желанием разрушить *таким способом* государство, но со стремлением спасти самого человека, его подлинное духовное «Я» от удушающей липкой лжи культуры, многочисленных «ширм», условностей, законов и символов, которыми цивилизация заслонила человека от самого себя, невольно превращая его в «автомат» мыслей и действий. Этот тезис стал практическим воплощением толстовского теоретического учения о *непротивлении злу насилием*.

Многие и здесь увидели явный анархический призыв к развалу власти путём пассивного саботажа. Между тем речь идёт всё о той же метанойе, призванной изменить мир в духовном преображении. «Этика Толстого носит радикальный характер и вытекает из метафизики. Именно ориентация на духовный мир делает невозможным примирение с несовершенством мира материального» [12, с. 40]. Человек выходит с одиночным пикетом не потому, что хочет разрушить государство, а потому что стремится отстоять своё исконное право на свободу слова или чувство протеста. Чаще всего мирные демонстрации призваны привлечь внимание на какие-то проблемы, а не свергнуть власть или захватить её. Здравый смысл здесь не лучший помощник понимания ситуации. У государства в руках вся мощь репрессивных средств – у человека лишь способность к самостоятельному мышлению и исконному праву оставаться собой.

Как отмечает американская исследовательница Инесса Меджибовская: «Само-совершенствование структуры должно быть направлено на поиск способа направления структурных потоков вне внутренних и внешних подпорок. Здоровье общественной структуры может быть сохранено необходимыми поправками, которые разумное сознание рекомендует как главный разработчик. Это и есть мирная форма разрушения (государства. – *мой С. К.*) как несправедливого существования, как дисбаланса между сознанием и реальностью, о чём Толстой просит благословения у Бога» [21, p. 185].

Неполитическая политика Толстого

Когда-то Торо задал сакраментальный вопрос: «Восемнадцать столетий назад был написан Новый Завет, но, возможно, у меня и нет права судить об этом, где же тот законодатель, у которого хватило бы ума и таланта использовать свет, отбрасываемый этим Заветом на науку законодательства?» [14]

Таким «законодателем», потребовавшим свет Завета направить на освещение текущей политической жизни, оказался Лев Николаевич Толстой. Он соединил в своём учении критику власти и субъективное исправление собственной жизни и открыл возможность размышлений о феномене *неполитической политики*. Поняв суть его позиции, мы поймём, насколько она соответствует дискурсу анархизма.

Явление неполитической политики, или неполитической власти, находится сегодня в стадии начального изучения. Но уже сейчас ясно, что его можно определить как тип неформального добровольного объединения людей вне государственных институций на основании общих (чаще всего этико-правовых) интересов объединяющейся группы. Для Толстого это был действенный способ представить преимущество мо-

ральных и религиозных суждений человека (жить не по лжи, а по совести) перед легальными формами и законами. Однажды поняв истину «непротivления злу насилием», он никогда ей не изменял в дальнейшем.

Зло государства связано с узакониванием насилия, исторически ставшего легитимным инструментом власти быть «уздой» для всех и каждого и одновременно гипнотическим Левиафаном. Этот гипноз был разоблачён в важнейшем трактате Толстого «Царство Божие внутри вас» (1890–1893). Об этом же он пишет в своих *Дневниках*: «30 апреля. Москва. 89. Встал в 8. Ничего не писал, только просмотрел вчерашнее. Пошёл к солдатам. [...] Думал: вот семь пунктов обвинительного акта против правительства: 1) Церковь, обман суеверия, траты. 2) Войско, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) Фабрики – убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция» (13, 50, с. 76).

Но вот интересный поворот. От интимной записи, публичного слова осуждения, трактата о неучастии во «зле» он переходит к его *носителям* в своих письмах «во власть». Например, в письме 1902 года к Николаю II он пишет о том же, о чём шла речь в «Царстве Божиим внутри вас». Но зачем он обратился к самодержцу со словами о недопустимости самодержавия, к «олицетворению зла» со словами его изобличения? Его письма, безусловно, мирная акция протеста, попытка разумного предотвращения грядущего насилия, в том числе и над самодержцем. Не признавая власть, он пытается с ней разговаривать. И это не совпадает с оппозиционными протестами либералов, которым он не сочувствовал, ибо их обращение к власти было построено на языке требований либерализации законов. Тем более – это не ультиматум радикалов, которые

не готовы договариваться ни в каких формах, кроме террористических. Толстой пытается выстраивать диалог с властью, пробуждая в царе человека-христианина.

В указанном письме он делает всё возможное, чтобы убедить Николая II поразмыслить, обратиться к совести, к самому себе. Он постоянно напоминает царю о том, что тот всем людям – брат во Христе, что он не просто символ власти, но и реальный со-работник Бога. Потому Толстой и настаивает на добровольном отказе от власти путём сознательной демократизации и реформирования России, уничтожения «права земельной собственности», уравнивания людей в свободах. Он ищет слова-предупреждения грядущего кровопролития и насилия, рекомендаций к спасению страны и отдельно человека – Николая II. Он взывает к кантовской доброй воле Николая, веря в победу этики должностования над этикой ответственности. Эти меры «... несомненно уничтожат всё то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу, и правительству ... Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но ещё больше Ваша ответственность перед Богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь...» (13, 73, с. 190).

Письмо-акция написано за три года до первой революции. Оно было воспринято властью как чудачество писателя. Власть боялась «юридически» трогать Толстого (что его даже раздражало) и предпочитала просто игнорировать его слова, используя своё вечное клише о «сумасшествии» выжившего из ума гения.

Моральным основанием для написания этого письма стало толстовское требование

«говорения правды» перед лицом верноподданной лжи окружающих царя исполнителей, а фактически – творцов убийственных законов. Казалось бы, ничего не изменилось после протестов и воззваний Толстого. Между тем изменилось очень многое. В его наивности было столько правды, что после его обращения нельзя было жить по-прежнему. Нужно было или согласиться, или полностью опровергнуть.

«Опровержение Толстого», без сомнения, более умными оппонентами¹, часто подаётся без учёта разоблачения им лжи существования зла, рядящегося в одежды добра. Самоочевидную мысль о том, что нельзя жить вне государства, власть облекает в ложный вывод о том, что нельзя жить без *наличного* государства. Сам факт человека, облечённого властью, становится способом его легитимного права на «истину в последней инстанции». Толстой подвергал сомнению именно эту посылку оправдания «статусом» и законом необходимости, ибо она стала способом оправдания бюрократической системы в целом и любого беззакония «святостью законов» системы и её носителей.

С одной стороны, Толстой был уверен, что народ, который потерял уважение к власти, одновременно перестал верить в необходимость «какого бы то ни было правительств» (13, 38, с. 165). И кажется, что это – почти революционный приговор.

С другой стороны, это неуважение родилось из-за агрессивной и злой природы государства, самое себя обрекающего на

¹ Эти слова звучат без иронии, но с грустью. Хочу напомнить высказывание В. Анисимова, который написал в газете «Вечер» (28 августа 1908 года) статью «Три лика», в которой с горечью заметил, что педагогическая, военная и бюрократическая интеллигенция всегда ставила двойки Л. Н. Толстому за «глупость» и «незнание предмета».

разрушение (*Carthagodelendaest*). Однако, несмотря на страстный и негативный в отношении к государству тон, выводы Толстого всегда аполитичны: «человек на все предъявляемые к нему требования правительства всегда отвечает только одно: “Со мной, – отвечает такой человек, – можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите, записать, сослать, казнить. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то, что не могу и не буду также и участвовать во всех дурных делах ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне”» (13, 38, с. 168–169). Эти слова, почти дословно повторяют идею Торо о «неповиновении-неучастии» и заставляют задуматься, каким образом можно соединить личное неучастие и категорическое требование «разрушить Карфаген», чтобы разрушение не стало насилием или (само)уничтожением, а было восстановлением достоинства человека перед лицом Левиафана. Возможный ответ может прояснить и природу толстовского анархизма.

В конце жизни Толстой всё больше сомневался в том, что у человека есть шанс на безгосударственное существование. В *Дневниках* 1889 года он писал: «Читал об Америке, Duc de Noailles. Взгляды самые дикие, но в связи со статьёй Добровольского описание несправедливостей демократии заставило думать: Ну, хорошо, ну, не будет договора, не будет правительство поддерживать прав, что ж будет? Люди или по привычке будут стремиться к установлению этих прав насилием, или просто будут делать то, что они делают и делали, отстаивать насилием свои выгоды, продолжительность исключительного владения (собственность) и будут придумывать для неё оправдания. Будет хуже (курсив мой. – С. К.). Правда ... Договор и собственность есть ложь. Но как освободиться от нее? ... *Политического из-*

менения социального строя не может быть (курсив мой. – С. К.). Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путём пойдет это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы всё знаем. И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением для всех, а только не для себя» (13, 50, с. 41–42).

Так что же делать?

После первой революции Толстой с отчаянием начинает понимать почти необратимое дело зла, совершённое революционерами и властью. И зло это стало практически, в том числе и потому, что царская власть не сделала никаких выводов, продолжая политику репрессий и угнетения своего народа.

Тем не менее Толстой до конца жизни надеялся, что всё можно поправить усилием сознания, доброй волей, энергией заражения, даже если кажется, что всё безнадежно упущено. Вот запись от 15 февраля 1909 года: «3) Религиозно нравственное положение народа ужасно, как будто нет выхода. Но он есть, только во времени. Наелся дурной, вредной пищи или напился пьян, и мучаешься, и кажется, что нет выхода, потому что *сейчас* действительно нет выхода, но выход есть. Желудок переварит, организм переработает, так и в этом. 4) Какое ужасное зло сделано революционной литературой: указать прежде не сознаваемое, спокойно переносимое зло и предложить, как единственное средство избавления, средство, не избавляющее, а увеличивающее зло – это ужасно жестоко. И это самое сделано революционерами с народом» (13, 57, с. 26). Похоже, что это было окончательное избавление от просветительских иллюзий. Тем не менее он до конца боролся за человека.

Толстой не только не анархист, он разоблачитель революционеров, которые без-

нравственно пробудили инстинкты народа, но не с целью исправления зла в себе, а с целью его закрепления в других формах насилия. Он прекрасно понимал, что революционеры установят другую власть насилия, и свободы не будет. Но он надеется всё же на победу человека над безумием насилия.

Революционной справедливости Толстой противопоставляет народную правду. Он до конца верил, что русский народ будет спасён за все страдания не социальными переворотами и встречным социальным насилием, но по-христиански, отступая от политических проектов всеобщего счастья в со-работничестве с Богом, добровольно реализуя его замысел.

У Толстого были идеи, сближающие его с проектами неполитической жизни. Жизнь по-божьи – значит противоположно политическим союзам, кружкам и партиям. В истинном понимании христианства, по Толстому, заложена альтернатива искусственному объединению и насильственно обретаемому счастью в коллективах. «Вместо угроз наказания за неисполнение правил, которые выставлялись прежними законами, как религиозными, так и государственными, вместо приманки наград за исполнение их, учение это призывало к себе только тем, что оно истина ... Исполнение учения – только в движении по указанному пути, в приближении к совершенству внутреннему – подражания Христу, и внешнему – *установления царства божия* (курсив мой. – С. К.). Больше или меньше благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которого он достигает, а от большего или меньшего ускорения движения» (13, 28, с. 41).

В контексте сказанного можно предположить, что под «царствием Божиим» следует понимать не соборное, всеединое, небесное или коммунистическое объединение, но

добровольное собрание отдельных людей, связанных христианским образом жизни и христианскими ценностями. Это – союзы, отделённые от государственных форм и созданные по «англосаксонским образцам», схожие по наполнению с американскими движениями за трезвость, против войн, рабства, репрессивных пенитенциарных практик, смертной казни. Союзы, которые основаны на нравственной жизни «вокруг Христа», должны были формироваться не насильственно или искусственно, но естественно, в исконном стремлении человека менять себя и на основе тяги одного человека к другому, благодаря «заразительным примерам всей жизни людей» (13, 26, с. 450). Христос и его жизнь становятся для Толстого критерием отличия истинного от ложного, этического от легитимного.

1888 и 1889 годы, когда идеи нового христианства обретают свою объединительную полноту, становятся самыми продуктивными в наследии Толстого. «Закончены “Крейцера соната” и “Плоды просвещения”, написан “Дьявол”, начато “Воскресение” и на том же гребне художественной волны создан в самом начале 1890 года первый черновик повести “Отец Сергей”» [9]. Этот подъём оказался связан и с кругом чтения того периода. Заглянув в *Дневники*, узнаём, что Толстой читает в это время один известный американский журнал. Любопытна запись от 2, 3, 4 января 1889 года, после ежедневного чтения американского журнала “Advance Thought”: «мысли шевелятся» (8, 50, с. 20). Ещё любопытнее запись от 4 января: «Поздно встал, читал Advance Thought и думал. Кажется, уяснил себе, что *должен* я написать “пришествие царствия” и, если потянет, то могу писать начатое и другое» (13, 50, с. 20).

Под влиянием идей американских гуманистов и при отстаивании христианско-

го мировоззрения, Толстой и его последователи создали проект формирования негосударственных способов объединения, которые можно на языке религии назвать «христианское братство», а на языке политической культуры представить как «прообразы» гражданских союзов неполитического объединения людей. Важнейшими стали повседневные практики жизни, направленные не на завоевание (власть), а на утверждение общественно значимых человеческих ценностей. Имея в своей основе религиозные мотивы спасения отдельного «Я», они, однако, стали основой создания таких общих движений, как вегетарианство, пацифизм, борьба за отмену смертной казни и т.д.

Прообразы гражданских союзов весьма оригинально представлены в художественном творчестве Толстого. Здесь они связаны не с политической, но с *экзистенциальной оппозицией* государству ряда обществ, субкультур и даже народов в России в то время. Они возникают внутри государственной системы, существуют по её законам, но живут (насколько возможно) – по законам христианской жизни (любви, братства, дружбы), в состоянии внутренней свободы (выбора). Например, жизнь угнетённых народов Кавказа; солдатский и офицерские «миры» людей, оторванных от «внешнего мира» во время баталий и походов; жизнь заключённых на каторгах, в тюрьмах и т.д. – представляют собой пограничные миры, в которых проявляется новое – *полемическое* (Хайдеггер) – состояние жизни. Они «условно»-анархичны (парадоксально свободны от цивилизационных условностей) и противоположны заданным рамкам культуры, законам, безличным правилам жизни в государстве. В статусе «свободных» люди оказываются именно здесь – в самых несвободных состояниях и локу-

сах; в остальных они предельно зависимы от государственной системы и власти [23]. Именно в этих пространствах появляется возможность проявить самостоятельность мысли, поступка или нравов. Война, каторга, борьба за выживание ставят человека по ту сторону общепринятых правил и готовых знаний. Только за пределами большого «мира» (светской культуры) человек проявляет свою подлинную сущность. Художественное наглядно доказывает то, что противоречиво демонстрирует нам Толстой в своём учении – способность человека быть христианином в невыносимых условиях жизни.

Заключение

Размышляя о жизни человека вне принуждения властью, Толстой реализовывает свои доминантные идеи о диалектике свободы и необходимости. Свобода – это содержание жизни каждого, а необходимость – форма, в которую облечена жизнь всех. Анархия как квинтэссенция индивидуальной свободы может у Толстого обрести лишь характер морального выбора *как жить и что делать* человеку, знающему, что его жизнь всецело в руках Бога. Его анархизм нельзя подвести под какую-то политическую систему или учение, кроме субъективистского и практического христианства.

Толстой не любит государство очень по-русски. Пояснить это легко словами Николая Бердяева: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире ... Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа» [2, с. 4]. Здесь речь идёт о вечно критическом в русской душе по отношению к любой власти, о русской оппозиционности официальной идеологии

при любых законах и управлении. При этом Толстой далёк от разрушения власти каким-либо иным способом, кроме внутренней работы человека с самим собой за спасение своей души. Можно сказать, что на этой почве он вступил в неравный бой со всей государственной системой – её культурой, литературой, религией и наукой. Всем утилитарным ценностям внешней жизни он противопоставляет самоценность внутреннего усовершенствования, нравственного

роста человека. В этой заботе о себе и противопоставлении миру он отчаянно ригористичен; в этом и проявляется его подлинный персоналистический анархизм. Саморазвитие – то, что выводит человека за пределы своего животного «Я» в мир другого – мир любви, братства, взаимопомощи, мир Бога. «... Каждый из нас живёт только в той мере, в какой устанавливает Царство божие вне себя и совершенствует себя внутри себя» (13, 18, с. 184).

Примечания

1. Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии // Ответственность и суждение / перевод с английского Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 83–205.
2. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины : Сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. Москва ; Петроград, 1918. С. 123–139.
3. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом : сборник статей / сост. С. М. Романов ; ред. В. И. Толстой. Тула : Изд-во Ясная Поляна, 2002. С. 362–383.
4. Бердяев Н. А. Судьба России / [послел. К. Ковалева]. Москва : Советский писатель, 1990. 346 с.
5. Гельфонд М. Л. Сила зла и зло силы. (Проблема соотношения понятий зла и насилия в нравственно-религиозном учении Л. Н. Толстого) // Лев Николаевич Толстой / ред. А. А. Гусейнов, Е. П. Щедрина. Москва : Политическая энциклопедия, 2014. С. 248–277. (Философия России первой половины XX века).
6. Иванов Вяч. И. Лев Толстой и культура // Русские мыслители о Льве Толстом : сборник статей / сост. С. М. Романов ; ред. В. И. Толстой. Тула : Изд-во Ясная Поляна, 2002. С. 309–322.
7. Кропоткин П. А. Моральный выбор Толстого // Русская литература. Идеал и действительность : Курс лекций / [пер. с англ. В. Батурицкого]. Москва : Век книги, 2003. С. 317–330.
8. Ленин В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Полное собрание сочинений : в 55 томах. Москва : Издательство политической литературы, 1968. Том 17. С. 206–213.
9. Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904–1910 : «Яснополянные записки» Д. П. Маковицкого : в 4 книгах / ред. В. Р. Щербина (гл. ред.). Москва : Наука, 1979. Книга II.
10. Опунская Л. Д. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1889 год. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/opunskaya-materialy-1886-1892/1889-god-tvorcheskogo-podema.htm>
11. Петровицкая И. В. Лев Толстой – публицист и общественный деятель. Москва : Икар, 2013. 630 с.
12. Прокопчук Ю. В. Мироззрение Л. Н. Толстого и духовно-мистическая философия П. П. Николаева. Москва : Проспект, 2016. 270 с.
13. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах / под общ. ред. В. Г. Черткова. Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1934–1958.
14. Торо Г. О гражданском неповиновении. URL: http://lib.ru/INPROZ/TORO/s_nepowinowenie.txt
15. Франк С. Л. *Deprofundis* // Из глубины : Сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. Москва ; Петроград, 1918. С. 307–320.
16. Эльцбахер П. Анархизм. Суть анархизма / пер с нем. Б. М. Яковенко. Москва : АСТ, 2009. 351 с.
17. Виек О. Leo Tolstoi. *Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand*. Berlin, 1905. 125 s. (In Deutsch)
18. Christoyannopoulos A. Leo Tolstoy on the State: a Detailed Picture of Tolstoy's Denunciation of the State Violence and Deception. *Anarchist Studies*. 2008, vol. 16, № 1. Available at: <https://www.questia.com/library/p150825/anarchist-studies/i2505055/vol-16-no-1-2008> (In English)

19. Guseinov A. A. Faith, God and nonviolence in the teaching of Leo Tolstoy. *Russian Studies in Philosophy*. 1999, no. 38 (2), pp. 89–103.
20. Hopton T. Tolstoy, God and Anarchism. *Anarchist Studies*. 2000, no. 8, pp. 27–52. (In English)
21. Medzhibovskaya I. Three attempts on Carthage: Tolstoy's designs of Nonviolent Destruction. *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 180–212. (In English)
22. Morris B. *Tolstoy and Anarchism (Spunk Library)*. Available at: <http://www.spunk.org/library/pubs/freedom/ravcn/sp001746.html> (In English)
23. Orwin D. T. What is Good According to Tolstoy? And How Good Can I be? *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 37–53. (In English)

References

1. Arendt Kh. [Arendt Hannah] Nekotorye voprosy moral'noy filosofii [Some questions of Moral philosophy]. In: *Otvetstvennost' i suzhdenie [Responsibility and Judgment]*. Moscow, Gaidar Institute Press, 2013. Pp. 83–205. (In Russian)
2. Berdyaev N. A. Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian Revolution]. In: Askoldov S. A., Berdyaev N. A., Bulgakov S. A., etc. *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii [From the depths: Collection of articles about the Russian revolution]*. Moscow, Petrograd, 1918. Pp. 123–139. (In Russian)
3. Berdyaev N. A. Vekhiy i Novyy Zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo [Old and New Testament in Tolstoy's religious mind]. In: Romanov S. M., comp., Tolstoy V. I., ed. *Russkie mysliteli o L've Tolstom. Sbornik statey [Russian thinkers about Leo Tolstoy. A collection of articles]*. Tula, Publishing house "Yasnaya Polyana", 2002. Pp. 362–383. (In Russian)
4. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]*. Moscow, Publishing house "Soviet writer", 1990. 346 p. (In Russian)
5. Gelfond M. L. Sila zla i zlo sily. (Problema sootnosheniya ponyatiy zla i nasiliya v nrvstvenno-religioznom uchenii L. N. Tolstogo) [The Power of Evil and Evil of Power (The problem of the correlation of notions of evil and a violence in the moral and religious teaching of Leo Tolstoy)]. In: Guseynov A. A., Shchedrina E. P., eds. *Lev Nikolaevich Tolstoy*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2014. Pp. 248–277. (In Russian)
6. Ivanov Vyach. I. Lev Tolstoy i kul'tura [Leo Tolstoy and Culture]. In: Romanov S. M., comp., Tolstoy V. I., ed. *Russkie mysliteli o L've Tolstom. Sbornik statey [Russian thinkers about Leo Tolstoy. A collection of articles]*. Tula, Publishing house "Yasnaya Polyana", 2002. Pp. 309–322. (In Russian)
7. Kropotkin P. A. Moral'nyy vybor Tolstogo [Tolstoy's Moral choice]. In: Kropotkin P. A. *Russkaya literatura. Ideal i deystvitel'nost'. Kurs lektsiy [Russian literature. Ideal and reality. A course of lectures]*. Moscow, Publishing house "Vek knigi", 2003. Pp. 317–330. (In Russian)
8. Lenin V. I. Lev Tolstoy kak zerkalo russkoy revolyutsii [Leo Tolstoy as a mirror of the Russian Revolution]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy. V. 55 tomakh, tom 17 [Full composition of writings, in 55 vol., vol. 17]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1968. Pp. 206–213. (In Russian)
9. Makovitsky D. P. *U Tolstogo, 1904–1910: "Yasnopolyanskiye zapiski" D. P. Makovitskogo. V. 4 knigakh, kniga 2. [At Tolstoy, 1904–1910: "Yasnaya Polyana notes" by D. P. Makovitsky. In 4 books, book 2]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1979. (In Russian)
10. Opul'skaya L. D. *L. N. Tolstoy. Materialy k biografii s 1886 po 1889 god [L. N. Tolstoy. Materials to the biography from 1886 to 1889 year]*. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/opul'skaya-materialy-1886-1892/1889-god-tvorcheskogo-podema.htm> (In Russian)
11. Petrovitskaya I. V. *Lev Tolstoy – publitsist i obshchestvennyy deyatel' [Leo Tolstoy-publicist and public figure]*. Moscow, Publishing house "Ikar", 2013. 630 p. (In Russian)
12. Prokopchuk Yu. V. *Mirovozzrenie L. N. Tolstogo i dukhovno-monisticheskaya filosofiya P. P. Nikolaeva [The Worldview of L. N. Tolstoy and the Spiritually Monistic Philosophy of P. P. Nikolaev]*. Moscow, Publishing house "Prospekt", 2016. 270 p. (In Russian)
13. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy. V. 90 tomakh [Full composition of writings, in 90 vol.]*. Ed. by Chertkov V. G. Moscow, Leningrad, Publishing house "Imaginative literature", 1934–1958. (In Russian)

14. Toro G. *O grazhdanskom nepovinoventii [Civil disobedience]*. Available at: http://lib.ru/INPROZ/TORO/s_nepovinoventie.txt (In Russian)
15. Frank S. L. Deprofundis. In: Askoldov S. A., Berdyaev N. A., Bulgakov S. A., etc. *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii [From the depths: Collection of articles about the Russian revolution]*. Moscow, Petrograd, 1918. Pp. 307–320. (In Russian)
16. Eltsbakher P. *Anarkhizm. Sut' anarkhizma [Anarchism. The essence of Anarchism]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2009. 35 p. (In Russian)
17. Вiek O. Leo Tolstoi. *Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand*. Berlin, 1905. 125 s. (In Deutsch)
18. Christoyannopoulos A. Leo Tolstoy on the State: a Detailed Picture of Tolstoy's Denunciation of the State Violence and Deception. *Anarchist Studies*. 2008, vol. 16, № 1. Available at: <https://www.questia.com/library/p150825/anarchist-studies/i2505055/vol-16-no-1-2008> (In English)
19. Guseinov A. A. Faith, God and nonviolence in the teaching of Leo Tolstoy. *Russian Studies in Philosophy*. 1999, no. 38 (2), pp. 89–103.
20. Hopton T. Tolstoy, God and Anarchism. *Anarchist Studies*. 2000, no. 8, pp. 27–52. (In English)
21. Medzhibovskaya I. Three attempts on Carthage: Tolstoy's designs of Nonviolent Destruction. *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 180–212. (In English)
22. Morris B. *Tolstoy and Anarchism (Spunk Library)*. Available at: <http://www.spunk.org/library/pubs/freedom/ravcn/sp001746.html> (In English)
23. Orwin D. T. What is Good According to Tolstoy? And How Good Can I be? *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 37–53. (In English)

*